

РЕЦЕНЗИИ

Владимир Игоревич Игнатьев

доктор философских наук,
профессор кафедры социологии и массовых коммуникаций
Новосибирского государственного технического университета,
Новосибирск, Россия;
e-mail: ighnatiev.v@inbox.ru

Михаил Васильевич Мельников

кандидат социологических наук,
заведующий кафедрой социологии и массовых коммуникаций
Новосибирского государственного технического университета,
Новосибирск, Россия;
e-mail: halkidon_n@list.ru

DOI 10.24411/2079-0910-2020-11009

Кумулятивная логика развития теоретической социологии: что значит быть современной теорией

**Рецензия на книгу: Головин Н.А. Современные социологические теории:
учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Н.А. Головин. 2-е
изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2019. 461 с.**

Оценить актуальность и значимость любой науки, социологии в частности, значит сверить ее возможности с запросами настоящего времени и перспективами будущего. В основе экспертного и прогнозного потенциала знания лежат теории — модели устойчивой инвариантности бытия различных фрагментов реальности. От наличия теоретических моделей, адекватно отражающих некое современное состояние социальных объектов, зависит их адекватная интерпретация. Именно социологическая теория по своей природе наиболее полно отвечает потребности познать и понять действие «социальных механизмов». Поэтому диагностика степени соответствия тех или иных теоретических моделей современному состоянию общества является и оценкой степени эффективности социологии в целом. В социологии периодически обращаются к своеобразной «эпистемологической сверке часов»: не устарели ли наличные концепции и не пора ли некоторые из них отнести к разряду исторической «классики». Этой процедуре посвящена особая — методологическая

и науковедческая — деятельность и литература. Вопросы о степени современности теорий обсуждаются и в учебной литературе. К подобным текстам относится и рецензируемая книга. Автор — доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии факультета социологии СПбГУ Николай Александрович Головин — представитель той части профессионального социологического сообщества, которой принадлежит заслуга возрождения российского социологического образования на базе факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета с 1989 г. Н.А. Головин с начала 90-х гг. разрабатывает и преподаёт ряд базовых дисциплин, среди которых курс «Современные социологические теории». Рецензируемый учебник отражает важный этап многолетней научной и методической работы автора.

В чем заключается оригинальность представленной авторской версии изложения содержания современных социологических теорий? В основу интерпретации логики их развития автором положена идея о кумулятивном характере динамики социологической мысли (с. 9).

Остановимся прежде всего на том, как автор отбирает, организует и выстраивает темы учебника и содержание разделов. Исходя из опыта подготовки социологов в университетах России следует отметить, что в учебных планах бакалавров направления «Социология» обычно много времени уделяется изучению дисциплин «История социологии» и «Современные социологические теории». Несмотря на разные названия дисциплин, вторая фактически является продолжением первой. По аналогии со школьной учебной программой ее можно назвать новой и новейшей историей социологии. Необходимость установления границы между содержанием материала, относимого к первой и второй дисциплинам, во многом вызвана формальными причинами учебного характера. В действительности эта граница является подвижной и неустойчивой. Трудно сказать, когда и как — периодически или постоянно — происходят ее изменения или перемещения. Затруднения, связанные с определением этой границы, признают многие исследователи социологических теорий. Так, Роберт Мертон отмечал, что хотя разница между трудами социологов прошлого (историей социологической теории) и систематической сутью определенных теорий, с которыми социологи имеют дело сейчас, является существенной, их все же часто смешивают¹. Мертон советует социологам «различать две совершенно самостоятельные задачи: развитие истории социологической теории и развитие ее современной систематики»². Однако этот совет не всегда может помочь понять, с примером решения какой из двух указанных Мертоном задач мы имеем дело, когда знакомимся с содержанием учебников по дисциплине «Современные социологические теории». Тем более что сам Мертон отмечает: «...по мере того, как каждое новое поколение накапливает свою восприимчивость к новым теоретическим проблемам, оно начинает видеть много нового в прежних работах, сколько бы ни обращалось к ним прежде»³. Дж. Ритцер в учебнике «Современные социологические теории» (в оригинале — “Modern sociological theory”) характеризует рассматривае-

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 19.

² Там же. С. 63.

³ Там же. С. 62.

мые им теории как те, которые широко применяются, затрагивают социальные проблемы ключевого значения и выдержали проверку временем⁴.

Н.В. Романовский относит к современным социологическим теориям те циркулирующие в социологической литературе построения, которые реально применяются в практике современных поколений социологов. Н.В. Романовский делает важное уточняющее замечание: эти построения «содержанием своим выражают тип социологического теоретизирования, исходной точкой появления которых представляется структурно-функциональная теория Парсонса, служившая и служащая образцом»⁵. По мнению Н.Г. Осиповой, теоретический базис и методологический инструментарий, заложенные на предшествующем этапе развития научного социологического знания, становятся «современными» тогда, когда они становятся востребованными, претерпевая при этом соответствующие модификации и получая новые области анализа⁶. Классика, полагает Н.Г. Осипова, всегда актуальна и созвучна современности. Тогда как теоретические построения, определяемые как современные, могут быстро утратить свою актуальность и кануть в лету. А.Ф. Филиппов смотрит на проблему с другой стороны. Анализируя семантику современности, он отмечает, что современность становится собой, т. е. обнаруживает и определяет свою новизну, когда отрывается от традиции и даже противопоставляет себя последней⁷. В свою очередь, Е. Шацкий характеризует социологическую традицию как пребывающую в неустанном движении, переопределении, переоценке⁸. Используемое им сравнение предистории и истории социологии с Вавилонской башней может быть также успешно использовано и по отношению к тем социологическим теориям, которые скорее являются современными, чем классическими. Ибо как в первом, так и во втором случае социология говорит на многих языках, а не только на языке науки. Социологические теории разных эпох могут представлять собой производные от «мировоззрений», «философий», «идеологий».

Х. Йоас и В. Кнёбль обратили внимание на еще одну проблему. Выбор названия своей книги «Социальная теория. 20 вводных лекций» они объяснили следующим образом: «Мы не стали называть книгу так, как обычно назывались лекции, положенные в ее основу, а именно “Современная социологическая теория”. Название вписывалось бы в учебный план социологических специальностей, но оно бы не учитывало рассуждений и фактических знаний (например, в традиции структурализма и прагматизма), которые в основном развивались вне социологии. Критерием для включения материала в наш курс была не дисциплинарная принадлежность, а вклад в теорию социальной сферы»⁹. О своем отношении к этим словам и подходу

⁴ Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. С. 77.

⁵ Романовский Н.В. Современные социологические теории: проблемы классификации // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 2 (4). С. 21.

⁶ Современная социология: ключевые направления и векторы развития: научная монография / Под общ. ред. Н.Г. Осиповой. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. С. 5.

⁷ История теоретической социологии: В 4 т. Т. 4 / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. М.: Изд-во «Канон+» ОИ «Реабилитация», 2002. С. 561.

⁸ Шацкий Е. История социологической мысли. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 20.

⁹ Йоас Х., Кнёбль В. Социальная теория. 20 вводных лекций / Пер. с нем. К.Г. Тимофеевой. СПб.: Алетейя, 2014. С. 7.

могли бы высказаться и другие историки социологии, которым приходится иметь дело с включением в свои учебники теорий, не имеющих строгого отношения к социологии. Приведенные примеры высказываний позволяют сделать ряд промежуточных обобщений. В настоящее время среди социологов отсутствует согласие относительно выбора места и времени установления и типа границ между социологическими и социальными теориями, критериев научности, новизны и актуальности теорий, глубины и длительности влияния внешних общественных изменений на теории. С этими сложностями и вариантами способов их решения мы встречаемся и в учебнике Н.А. Головина¹⁰.

В первом же предложении «Введения» Н.А. Головин характеризует ситуацию в теоретической социологии как «конкуренцию парадигм, теоретических направлений, отдельных теорий и школ в социологии» (с. 9). Перечисление этих терминов не является случайным. По нашему мнению, оно, как и в статье Н.В. Романовского, призвано показать конкурентность выбора терминов, лексических обозначений единиц (теоретическое направление или парадигма, например), посредством которых социологи отграничивают и осмысливают изучаемый ими материал. Н.А. Головин в своей книге делает выбор в пользу понятий теоретического направления и научно-теоретической позиции. Первое понятие позволяет автору систематизировать конкретные теории и обобщать их содержание, а второе — раскрывать логическую структуру, технику построения, основные положения и особенности конкретных (предметных) теорий.

Отметив наличие в социологии ситуации полипарадигмальности, Н.А. Головин далее поясняет, что парадигмы не сменяют друг друга, как в естествознании, а сохраняются в новых теориях как их важная часть (с. 9). В основной части учебника автор приводит несколько примеров такой преемственности и не раз подчеркивает ее важность для дисциплинарной интеграции социологии, потребность которой признается многими учеными. Ориентация автора на поддержку разработок общей теории в социологии проявляется и в том, что Н.А. Головин использует классический европейский подход к изложению материала. Этому подходу присуще стремление к охвату фундаментальных проблем социальных отношений, а не прагматизм, наглядность и ориентированность на проблемы конкретного общества. Вместе с тем автор подчеркивает, что в его книге «тоже есть немалая доля прагматизма: ведь социологические понятия и теории имеют свою практическую значимость» (с. 11).

Первый раздел автор посвятил характеристике важнейших социологических понятий, знание которых помогает читателям сформировать компетенции, необходимые для освоения других разделов, и увидеть связь понятийного аппарата общей социологии с теоретическими направлениями и конкретными (предметными) теориями. Странно, что при этом автор не вводит статусное различие понятийного аппарата на категории (базовые, наиболее общие понятия) и собственно специальные понятия социологической науки. Тем более что Н.А. Головиным принята трехуровневая структура теоретического знания в социологии. Необходимость же выделения раздела, посвященного детальному анализу социологических понятий, оправдана логикой движения от абстрактного к конкретному при изложении автором учебного материала. Это позволяет читателю лучше понять логику построе-

¹⁰ Головин Н.А. Современные социологические теории: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2016. 377 с.; 2-е изд., испр. и доп.: М.: Юрайт, 2019. 461 с.

ния социологических теорий. Как писал Р. Мертон, «понятия представляют собой определения (или предписания) того, за чем надо наблюдать; это переменные, между которыми надо искать эмпирические взаимоотношения. Как только предположения обретают логическую взаимосвязь, возникает теория»¹¹.

Н.А. Головин начинает обзор понятий с одного из наиболее общих социологических понятий — общества, характеризует его существенные признаки, типы и теории. Примечательно, что понятие общества рассматривается Н.А. Головиным в связи с социальным характером человеческой природы. К изучению этой естественной связи социологи обращаются крайне редко. Следующая глава посвящена анализу системно-теоретических понятий. В параграфе, посвященном понятию «социальные системы», автор рассматривает их типы и уровни, эффекты и свойства. К последним отнесены социальные институты и организации. К сожалению, в параграфе автор лишь слегка касается значения неформальных структур в организации и неоинституционального подхода, хотя и признает существование большого интереса к их изучению в современной социологии. В следующих параграфах Н.А. Головин знакомит читателей с избранными страницами из истории применения в социологии понятий социальной структуры и функции. Заметное место автор уделяет изучению структуры и функций видным американским социологом Р. Мертоном. Третью главу Н.А. Головин посвящает социальному неравенству и стратификации общества, рассматривает исторические типы и теории социальной стратификации, включая марксистскую теорию общественных классов и концепцию П.А. Сорокина, а также модели стратификации современного общества. Четвертая глава первого раздела книги посвящена понятиям культуры, ценностей, включая их изучение Р. Инглхартом, а также социализации. Автор обстоятельно рассматривает теоретические подходы Т. Парсонса, Ю. Хабермаса, К. Мангейма и У. Бека, посвященные социализации человека в разных сферах и условиях общественной жизни. В пятой (и последней) главе первого раздела автор раскрывает содержание понятий социального поведения, действия, взаимодействия и коммуникации. Н.А. Головин убедительно демонстрирует, что понятийные основы теории социального действия были заложены М. Вебером и получили развитие у Т. Парсонса. Кроме того, автор проводит сравнительный анализ разработки и применения понятия коммуникации в оригинальных теориях Ю. Хабермаса и Н. Лумана, в которых это понятие приобрело статус одной из базовых социологических категорий.

Работа, выполненная автором в первом разделе, позволяет читателю обрести ориентиры в многообразии социологических теорий, концепций и парадигм. Их подробному изучению посвящены второй и третий разделы рецензируемой книги. Во втором разделе автор выделяет четыре основных теоретических направления в социологии. Ранее, во «Введении», Н.А. Головин указал критерии выбора им каждого из этих направлений. Первый критерий — возможность объективного социального познания в мире конкуренции и борьбы интересов различных ценностных систем. Представители научно-теоретических направлений по-разному видят возможности и необходимость объективного познания, т. е. освобождения от влияния на результаты познания как политических интересов и ценностей, так и самих инструментов познания — понятий, теорий, методов. Второй критерий — противо-

¹¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 195.

положность реализма и номинализма — является для социологов напоминанием о средневековых философских дискуссиях, посвященных универсалиям. Позиции реалистов и номиналистов воплощены в макро- и микродуализме социологических теорий. Новые номиналисты исходят из реальности лишь действий людей, тогда как новые реалисты поддерживают представления об онтологической реальности общества. Третий критерий отбора научно-теоретических направлений выражен в вопросе о степени свободы человека в обществе. Поиски ответа на этот вопрос автор связывает с различиями между теориями социального действия, содержание которых позволяет отнести социологию к социально-гуманитарным наукам, и теоретико-поведенческой социологией, ориентирующейся на трактовку социологии как естественной, точной науки.

Анализом содержания *первого* основного теоретического направления — системно-теоретического — начинается второй раздел книги. Н.А. Головин анализирует ее становление и развитие как «динамичный процесс плодотворного обмена результатами» (с. 127). Одна из сторон этого обмена представлена системно-теоретическим движением, развернувшимся в XX в. за пределами социологии и представленным вначале общей теорией систем Л.Ф. Берталанфи, а позже — парадигмой аутопойетических систем Х. Матураны и Ф. Варелы. Отражением и продолжением содержания этих подходов в социологии Н.А. Головин рассматривает общую теорию социальных систем в вариантах Т. Парсонса и Н. Лумана. Достаточно популярное наименование теоретической позиции Парсонса как структурного функционализма автор не использует, отмечая, что сам Парсонс возражал против этого, «считая, что понятие системы в его теории важнее» (с. 122). С этим, как показал Н.А. Головин, был согласен и Н. Луман (там же).

На последующих страницах автор подробно рассматривает парадигму четырех функций Парсонса. Касаясь известных аспектов критики социологии Парсонса за консервативность, Н.А. Головин отмечает, что ему неизвестны случаи ссылок консервативных политиков в своих выступлениях на теорию Парсонса. В связи с этим отметим, что консервативные политики могли не быть осведомлены ни о содержании теории Парсонса, ни даже о самом существовании выдающегося американского социолога. Но из этого не следует, что теория Парсонса не могла выражать консервативные ценности.

Анализируя работы Н. Лумана, Н.А. Головин неоднократно отмечает сложность его теории систем. И вместе с тем лумановская теория общества, несмотря на ее очевидную сложность, конечно, проще, по замечанию автора, чем само общество (с. 131). К сожалению, указав, что Н. Луман вел пожизненную полемику с Ю. Хабермасом (с. 129), автор не поясняет, что имеет в виду — ни в разделе главы шестой, посвященной анализу его подходов, ни в разделе главы пятой, в которой сравнивает подходы Хабермаса и Лумана к пониманию коммуникации. На страницах 133 и 134 Н.А. Головин приводит таблицу, содержащую одно из самых полных в русскоязычном изучении социологии Лумана описание подсистем общества, их функций, бинарных кодов, функциональных программ и институциональных основ. К сожалению, Н.А. Головин не указывает авторства этой таблицы. Его общий вывод заключается в том, что Луман существенно развил теорию социального действия и системы Парсонса, что позволило ему создать на высоком методологическом уровне теорию современного сложного дифференцированного общества и генерализированных средств коммуникаций в этом обществе.

Второе направление в теоретической социологии, рассмотренное Н.А. Головиным, является, в отличие от системного подхода, не только социолого-теоретической, но и политической теорией. Этапами этого направления — критической теории общества — являются марксистская критика капитализма, представленная в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, критическая теория Франкфуртской школы и ее развитие Ю. Хабермасом. При характеристике классического марксизма Н.А. Головин указывает, что диалектический ход истории не подтверждается ни историей, ни историками, отождествление законов природы и общества вызывает критику, а политико-экономическое учение о капитале и эксплуатации наемного труда имеет большое теоретическое значение для экономической, а не социологической науки. Ранее он заметил, что «марксизм представляет собой, прежде всего, политическое учение» (с. 144). К такому выводу Н.А. Головин приходит и в ходе анализа основных идей Франкфуртской школы (с. 170). Однако присущая ей теоретическая самостоятельность и существенные отличия от советского догматического и идеологического варианта марксизма сделали Франкфуртскую школу теорией современного общества, оказавшей «большое влияние на демократизацию западных обществ и эмансипацию человека» (с. 170). Новый вклад в эту работу был внесен Ю. Хабермасом, решившим, по мнению Н.А. Головина, проблему невозможности противостояния «инструментальному разуму», оставленную первым поколением Школы.

Автор учебника подчеркивает важную особенность трактовки Хабермасом современности. В отличие от своих учителей тот видит в современном обществе не только усиление рационализации и бюрократизации во всех сферах его жизни (мир системы), но и возможность его концептуализации как социокультурного жизненного мира, противостоящего этой системе. Несмотря на реальность угрозы колонизации системой жизненного мира, в обществе сохраняются возможности для усиления коммуникативной рациональности, обладающей способностью конструирования и воссоздания ресурсов жизненного мира. Переходя к критической оценке теории Хабермаса, Н.А. Головин отмечает, что рассмотрение Хабермасом коммуникативного действия в качестве основы социальности и теории общества, ориентированного на истинность, правильность и правдивость высказываний, подтверждается социолингвистическими исследованиями вербальной коммуникации (с. 180). Однако, полагает Н.А. Головин, обоснованная на практике функция коммуникативного действия по устранению причин нарушений в макрокоммуникации общества «является сомнительной в качестве исходной точки теории общества как необоснованный нормативизм, допускающий спорную возможность наступления окончательного социального консенсуса» (там же).

Третье основное теоретическое направление в социологии, согласно Н.А. Головину, представлено теорией символического интеракционизма, феноменологической социологией А. Шюца, теорией социального конструирования реальности, этнометодологией, драматургическим подходом И. Гофмана и акторно-сетевой теорией. Все упомянутые теории представляют собой разные проявления теории социального действия М. Вебера, раскрывая новые аспекты изучения и понимания структуры действия, в том числе в направлении ее взаимодействия с теорией социальных систем. Для характеристики основных идей символического интеракционизма Н.А. Головин выбирает творчество не Г. Блумера, предложившего в 1937 г. сам этот термин, а его выдающегося учителя Дж.Г. Мида, родоначальника интерпретативной парадигмы в социологии. Будучи глубоким знатоком немец-

кой классической философии и социологии М. Вебера, Мид «обогастил ее идеями американскую теоретическую социологию» (с. 189). Благодаря Миду в социологии появилось учение о языке как о генерализированном средстве коммуникации и основе социальности, воспринятое Т. Парсонсом, Ю. Хабермасом и Н. Луманом. Раскрытая Мидом процессуальность социальной жизни дала начало интерпретативной парадигме. Новое обогащение теории социального действия произошло благодаря работам виднейшего представителя феноменологической социологии А. Шюца, который описал процесс конституирования и социального измерения смысла и задал его координаты, связанные с мотивационными системами участников социального взаимодействия. Научные достижения Шюца получили высокую оценку и развитие в изучении коммуникации в социальных системах Н. Луманом, в теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, в исследовании методичности повседневных действий Г. Гарфинкеля. Особое внимание уделяет Н.А. Головин анализу этнометодологии. Теоретически и понятийно она теснейшим образом связана с феноменологической социологией Шюца и представляет собой ее оригинальное эмпирическое обоснование, прежде всего, благодаря знаменитым «кризисным экспериментам», проведенным под руководством Гарфинкеля. Известны следующие слова Шюца: «Нужно прямо сказать, что важность феноменологии для социальных наук не может быть продемонстрирована путем анализа конкретных проблем социологии или экономики — таких, как теория социальной регуляции или международной торговли, — феноменологическими методами»¹². Исследования Гарфинкеля являются своеобразным опровержением слов Шюца. Н.А. Головин приходит к выводу, что «приоритет повседневного знания над научным, открытый Э. Гуссерлем и зафиксированный А. Шюцем в его правилах объективного знания, благодаря Гарфинкелю является эмпирически доказанным для любой области деятельности» (с. 223).

Основные положения теории действия, интеракционизма, феноменологической социологии и этнометодологии получили развитие в социально-драматургическом подходе И. Гофмана. Реакцию социологического сообщества на этот подход Н.А. Головин описывает как весьма сложную. В ней присутствовала критика и сомнение в научной состоятельности работ Гофмана, в которых видели только разоблачение повседневных хитростей и т. п. Позже отношение к социологии Гофмана изменилось в лучшую сторону. Но хотя влияние его наследия возрастает, оно сосредоточено в основном на проблематике драматургического подхода и теории фреймов. Н.А. Головин особо отмечает, что оценка творчества Гофмана как новой разработки теории социальной роли выполняется «в ущерб тематике идентичности в его теории социального действия» (с. 233). Актуальность подхода Гофмана Н.А. Головин связывает с внесенным им существенным вкладом в изучение значимости и значения «вещей» в формировании смысла в ситуации. Н.А. Головин оценивает выполненную Гофманом работу как «существенный вклад в материальный поворот в теории социального действия — важное направление ее современного развития» (с. 233). Н.А. Головин также отмечает, что теория смыслополагания Гофмана вносит вклад в наиболее дискуссионную версию современной теории социального действия — акторно-сетевую теорию. Однако, к сожалению, автор учебника огра-

¹² Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН, 2004. С. 178.

ничивает описание этого вклада только словами о том, что представители этой теории «стремятся вернуть в теорию смыслополагания значимость “нечеловеческих” объектов, рассматривая материальные обстоятельства как участников действия» (с. 233).

Теоретико-поведенческая социология является *четвертым* основным теоретическим направлением в социологии, рассмотренным в книге Н.А. Головина. Ее идейными источниками являются английская философия морали XVI–XVIII вв., американский и российский бихевиоризм, особенно теории научения. Н.А. Головин подчеркивает, что, несмотря на значительные научные результаты, связанные во многом с экспериментами, проводимыми бихевиористами, «даже в начале XXI в. нет общепризнанной совокупности основных законов поведения» (с. 251). К такому выводу автор приходит, представив развернутую характеристику восемнадцати поведенческих гипотез дедуктивной теории поведения немецкого социолога К.-Д. Оппа. Его обобщение, по мнению Н.А. Головина, «является одним из наиболее полных в теоретико-поведенческой социологии, но и оно не стало общепризнанным» (с. 255).

Третий раздел книги автор посвящает новым социологическим парадигмам и теориям. Некоторые из этих новых подходов формируются еще в период между двумя мировыми войнами, например, историческая социология Н. Элиаса и теория индустриального общества Х. Фрайера. Другие — концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана и конструктивистский структурализм П. Бурдьё — появляются и получают большую известность в 1960–1970-е гг. Эти теории Н.А. Головин оценивает как актуальные и перспективные. Хотя причины общесоциологического интереса к повседневности начиная с 1960-х гг. весьма сложно сформулировать в краткой форме (с. 295), несомненно, что ее быстрое развитие стало возможно благодаря признанию конструктивистского начала повседневной жизни и интерпретативной парадигмы. Историческая социология близка и совместима с социологией повседневности, например, в версии фигурационной социологии Н. Элиаса, поскольку изучает длительный процесс становления повседневности так называемого современного общества.

Завершается рецензируемая книга кратким обзором развития полипарадигмальной и интегративной тенденций в современной социологии и характеристикой состояния российской теоретической социологии. Учебник насыщен выдержками из оригинальных текстов, каждая глава завершается практикумом, списком современной литературы и глоссарием. Текст по жанру может быть отнесен к варианту классического авторского учебника. И это не случайно, поскольку Н.А. Головин много лет посвятил изучению процессов, происходящих в мировой теоретической социологии, внес существенный вклад в развитие научного сотрудничества между социологами Санкт-Петербургского государственного университета и социологическими сообществами европейских университетов.

Авторское начало этой книги очевидно и воплощено как в трактовке содержания учебного курса, так и в подходе к интерпретации самого понятия «современные социологические теории». Автору удалось продемонстрировать *кумулятивный* характер процесса совершенствования социологических теорий в рамках отдельных направлений и своеобразные, так сказать, «кумулятивные скачки» как способы появления новых теорий. Тем самым Н.А. Головин убедительно обосновал право на существование подхода, сторонником которого является: для процесса создания

социологических теорий характерны преемственность и принцип взаимодополнительности при отображении социальной жизни как целостной системы. Добавим: благодаря чему в социологической науке удастся продолжать «строить» обобщенную (общую) теорию общества.

Знакомство с этим высокопрофессиональным текстом, несомненно, обогатит всякого, кто стремится посвятить свою научную судьбу служению социологии и обогащению социальной теории. Все сказанное не означает, что автор исчерпал другие возможные ракурсы рассмотрения развития социологических теорий и оценки их как современных. Прежде всего, на наш взгляд, остается без ответа вопрос, имеющий скорее не методологический, но гносеологический характер: а стоит ли все же относить *все* эти теории к современным, если они отразили и смоделировали самые существенные черты и механизмы устройства общества уже ушедшего (уходящего) типа, в то время как *современные* общества стремительно вошли в эру информационной цивилизации, нарастания процессов тотальной цифровизации и влияния искусственного интеллекта, в основе которых лежит «информациональный способ развития» (М. Кастельс). Но ответ на этот вопрос — предмет уже другой книги, и, надеемся, того же автора.

The Cumulative Logic of the Development of Theoretical Sociology: What It Means to be a Modern Theory

VLADIMIR I. IGNATIEV

Department of Sociology and Mass Communications of Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russia
e-mail: ighnatiev.v@inbox.ru

MIKHAIL V. MELNIKOV

Department of Sociology and Mass Communications of Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russia
e-mail: halkidon_n@list.ru

Book review: Golovin N.A. Modern sociological theories: a textbook and a workshop for undergraduate and graduate programs / N.A. Golovin. 2nd ed., Rev. and add. — Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. — 461 p.